

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

*Ложка меда
в канистре бензина*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Л. Латышова*
Художественный редактор *С. Курбатов*

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Ложка меда в канистре бензина / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-240614-0

Профессиональный телохранитель Евгения Охотникова едет в Уфу, чтобы поддержать близкую подругу Альмиру, у которой убили мужа. Олег Резников был успешным бизнесменом, тесно связанным с нефтяным и медовым бизнесом Башкирии, а его старший брат Игорь — влиятельный делец с обширными связями в московских и международных кругах. Официальная версия следствия — бытовое убийство на почве ревности — не выдерживает критики. Женя берет под защиту подругу и ее семью, погружаясь в опасный мир региональных элит, где переплелись интересы нефтяных королей, чиновников, пчеловодов и криминала.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240614-0

© Серова М.С., 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Говорят, что утро добрым не бывает... Это не про меня! В шесть утра я бодр и весела, в десять минут седьмого — одета для тренировки. Тренироваться могу в чем угодно — и вот в этой пижаме с кошками, и в вечернем платье с открытой спиной. Есть такое — лиловый шелк струится и переливается... Это уже третье, все из того же бутика с бульвара Рошешуар! Первое, помнится, пошло на удавку для одного нехорошего человека, попытавшегося подрезать другого... нехорошего человека, которого я тогда охраняла. На Пляс Пигаль был вечер томный... И я с оборванным подолом шикарного платья, зато с гонораром, на который можно купить не только весь бутик, но если поторговаться, то и весь бульвар!

Удобнее все-таки в легинсах и топике. Перед зеркалом во всю стену. Для кого-то, может, это излишество, а мне нравится смотреть на себя. Тем более что есть на что посмотреть — длинноногая брюнетка, мечта олигарха. И до тридцати мне еще целых три года.

Я люблю свое тело. Значительно больше, чем те, которые охраняю. Может, потому я их и охраняю профессионально?.. Без малого восемь лет работы — и все живы!

Эти пресловутые хозяева жизни, в сущности, милейшие люди. С темноватым прошлым, конечно, но ведь я — не душе-, а телохрани-тель! С душами их разберутся, не сомневаюсь. Как в фильме «Небесный суд». И судить их будут по последнему деянию. Люблю хорошее кино! Почти так же, как хороший кофе.

Час обязательной тренировки утром, чтобы быть в форме, как учили нас в закрытом заведении славного города Владивостока, куда сдал меня отец. Там, конечно, мы тренировались практически безостановочно, с перерывами на изучение языков и иные занятия. К примеру, погружение в философию дао.

Чего никогда не прошу папеньке-генералу, так это своей суперкороткой, почти лысой стрижки и мальчишеской одежды с самого нежного возраста! Мальчишку он хотел, сына, видите ли, а тут я — глазастая и кудрявая кукла, обожаемая, царствие небесное, мамочкой. Зато теперь густая грива — моя гордость. Холю ее и лелею. А заплести косицу маньчжурскую, так и для дела сгодится. Проверено.

Папеньку слушались из уважения к боевым наградам в мирное время, а подчинялись за генеральские погоны. Женька Охотникова рас-

секала по военному городку на велике до семи лет. Потом, задействовав все рычаги, генерал Охотников сдал меня в суперсекретное заведение, где, как он выразился, научат настоящей жизни. Не в школу я пошла, а в Школу. Что до настоящей жизни, так она заключается в шаговой доступности смерти. Это я довольно быстро поняла и легко приняла.

Второй девочкой в Школе оказалась шестилетняя Яо Юань — прелестное, с навыками кунг-фу, дитя Поднебесной. Нет, не подружились мы, а подрались в первый же день. На чистейшем русском языке, с характерным подвыванием, эта мелкая засранка заявила, что все европейцы на одно лицо, а глаза у всех как у коровы. И получила моей длинной ногой в свой приплюснутый носик. Ну да, никто не ожидал, я и сама от себя не ожидала — все на рефлексах, как папенька натаскал.

С Юанькой мы научились общаться мирно месяца через три, она даже поведала мне свой большой секрет: ее так называли, потому что она второй ребенок в семье и, чтобы ее законно родить, было заплачено триста тысяч юаней. Правда или нет — поди проверь! «Одна семья — один ребенок» — это действовало тогда даже для таких суперважных военных ученых, как отец Юаньки, так что похоже на правду. Старший брат, красивый и довольно рослый юноша в неизменных тонированных очках, часто наве-

шала Юаньку в Школе, и она с восторженным визгом мчалась навстречу, прыгала на него как обезьяна. Как же я завидовала! Думала, что не отказалась бы от брата, пусть даже не старшего, а младшего.

Мысли материализуются. Появился у меня младший брат. Единокровный. Сына генералу Охотникову родила молоденькая официантка, на которой он в благодарность и женился. Видела эту Валечку белобрысую, дура душой, зато стала генеральшей. И беленький Вовка, Владимир Максимович Охотников, сразу — генераленком. Интересно, папенька и его сдаст в Школу?..

Из Владивостока я уехала сразу после выпуска из «Ворошиловки», где научилась не только стрелять из всего, что стреляет, но и тому, чтоб, став телохранителем, быть похожей на кого угодно, только не на телохранителя. К примеру, разбираться в современной живописи и сортах сыра, танцевать танго Орилье-ро и играть полонез Огинского, бойко лопотать по-испански и по-французски... Разве такая девушка может убить шариковой ручкой?! Легко! Как и задушить подолом собственного платья.

В восемь ноль-ноль, после контрастного душа, надев бирюзовый халатик — подарок тетушки Милы — и собрав свою гриву в высокий хвост, я чинно сидела в нашей кухне-столовой,

с удовольствием слушая утробный шепот кофемашины. Кухня у нас современная: много облегчающих быт умных устройств.

Ненавязчивый уют в интерьере кухни и всей квартиры создала тетушка. Я лишь соглашалась и платила. С каким-то радостным облегчением. Вот не хочу и не умею думать про бытовые удобства! А предоставить создание, нет, даже сотворение, комфортной жизни тете и настоять на том, чтобы она не задумывалась о стоимости, — это мое. Когда бываю дома, стараюсь радовать свою Милусю. Например, одеваться прилично к завтраку и накрывать на стол к ее пробуждению.

Светлой души человек моя тетушка — известный в славном городе Тарасове педагог по вокалу Людмила Павловна Селянская, сестра моей так рано ушедшей мамы. И я очень рада тому, что с тех пор, как я обосновалась в доме тети, значительно улучшилось ее качество жизни.

— Женечка, с добрым утром, заюшка! — Она уже подкрашена и причесана, как всегда, мила. И хороша! Стройная, в светлом брючном костюме, выглядит лет на десять моложе своего полтинника с хвостиком.

Через час машина, оплаченная мною на год вперед, отвезет Людмилу Павловну к ученице — внучке главы администрации Зареченского района, реально талантливой девочке. Пон-

товатых мажориков тетушка не обучает. Может себе это позволить.

Ловлю себя на мысли: «Господи, не отомсти!» — как все славно — утро это солнечное августовское, аромат кофе, тетушка... Сейчас позавтракаем, потом у каждой свои дела, днем пообедаем в нашем любимом ресторане на набережной, вечером прогуляемся и поужинаем — дома или в том же ресторане. Тетя расскажет об успехах своей ученицы, о новом ученике — «славный мальчик, голос ангельский и абсолютный слух», а я буду заинтересованно спрашивать, чтоб она с удовольствием рассказывала.

На перевязку папы этого ангела пошло мое второе лиловое вечернее платье. Новое, из пакета с логотипом рошеаровского бутика.

«Тойоту», в которой мы ехали, обстреляли на подмосковной трассе, на подъезде к Одинцову. Машина слетела в кювет и завалилась на бок. Водитель потерял сознание от удара, а мой подопечный, до сего момента весьма довольный жизнью тарасовский чиновник с каким-то мутным бизнесом, получив пулю в плечо, побледнел и отключился.

Конечно, я не расскажу тете о том, как лезла наружу через разбитое боковое окно, на ходу срывая нежно-розовую блузку (чем не белый флаг?) и визжа так, что у самой уши заложило... Что увидели нападавшие? То, что я хотела, чтоб они увидели, — напуганную до поро-

сячьего визга растрепанную гирлу в намеке на лифчик и остатках юбки, но живую такую, тепленькую... А я через пять секунд увидела предел изумления на двух бородатых рожах и маленькие, зацветающие красным отверстия — аккурат меж бровей. Верная моя «беретта-компакт» умещается в ладони, а стреляю я туда, где, по мнению эзотериков, расположен третий глаз — запятанный глубоко в черепе эпифиз.

Тетя уверена в том, что я — высокооплачиваемый бизнес-аналитик со знанием всех основных европейских языков плюс китайский, потому и мотаюсь по миру с «ответственными сотрудниками самого высокого ранга». И — на здоровье.

— С добрым, Милусь!

В следующую секунду ожил мой смартфон — грянули «Половецкие пляски». Рингтон для неизвестных номеров.

За то время, что я тупо пялюсь на незнакомый номер, Милуся наливает мне кофе, поддвигает тарелку с круассанами, садится напротив. Вижу беспокойство в ее глазах, и сама тоже вдруг как-то напрягаюсь.

— Здравствуйте! Это Евгения? — Баритон, приятный, без эмоций.

— Доброе утро! Евгения. С кем имею честь?..

— Меня зовут Игорь Брониславович Резников. Звоню из Уфы по просьбе Альмиры, вашей подруги. — Баритон потеплел, по-московски растягивая слова.

— Да, слушаю вас! — Я дергаюсь, только что не подскакиваю. — С Алькой все в порядке?

— С ней — да. Точнее, не совсем. У нее муж умер сегодня. Его убили.

* * *

Через час я выезжала из Тарасова на своем «Фольксвагене», полная решимости пролететь за десять часов без малого девятьсот километров и к вечеру быть в Уфе.

Олега, мужа Альки, убили сегодня утром. Разница во времени между Тарасовым и Уфой — два часа, то есть когда у нас было восемь часов утра, в Уфе — уже десять, и Олег был мертв. Мне позвонили сразу же — Алька попросила. Или ее родители.

Воспоминания нахлынули лавиной, словно с цепи сорвались...

Подполковник Урал Хабибуллович Валеев обожал свою Альмибочку, открыто восхищался ею, игнорируя усмешки начальства — генерала Охотникова. Алька и правда была чудо как хороша, словно сказочная фея! Таких я только в мультфильмах видела — и всегда они там кого-нибудь спасали, о ком-нибудь заботились, трепеща нежными крылышками. Моя добрая фея Альмира...

Никогда не забуду, как сидела я в луже и редела в голос от боли и обиды. Болели коленка и рука, обида — на жизнь в целом, ведь, не

умея выразить словами, я остро ощущала отсутствие мамы и отстраненность отца. Упала с велосипеда, зацепившись штаниной за цепь, — велик-то почти взрослый, мальчишеский, и я, малявка, еле дотягивалась до педалей. Чем не повод громко оплакивать свою жизнь?

— Мальчик, вставай, промокнешь! Больно тебе? Где болит? — Голос словно колокольчик, теплая ладошка на моей голове, две косички с белыми бантами.

От неожиданности я замолчала и уставилась на это чудо. Огромные миндалевидные (хоть этого слова я тогда и не знала) глаза цвета шоколада, а в них — океан сочувствия, ничуть не насмешливая, но ободряющая улыбка, мол, все хорошо, я тебе помогу.

— Я не мальчик, я Женя Охотникова! — Впервые тогда громко отреклась от своей «мальчишести».

— А я Альмира. Пойдем со мной!

Она привела меня к себе домой, и ее маму я тоже признала сказочной феей, просто чуть постарше, с нежными волнами светлых волос, в нежно-голубом платье с очень красивой вышивкой на рукавах и по подолу.

Мягко и деликатно Лариса Алексеевна вынула меня из порванных штанов, которые потом были зашиты, вычищены и высушены, аккуратно промыла раны, ласково предупредив, что чуть пощиплет, обработала йодом.

Мы пили чай с необычными, словно золотистые короткие змейки, скатанные в шарики, пирожными. Алька назвала их смешно — «чак-чак». Так хорошо, так удивительно легко мне еще никогда не было!

Про велик я и не вспомнила. Он, слегка покореженный, остался в луже. Отцу наврала, что на минуточку отошла пописать, а велосипед сперли. Нет, папенька не ругался, ведь домой меня проводили Алька с мамой, а очарование супруги подполковника Валеева распространялось и на генерала Охотникова.

Пять лет мне тогда было, а Альке уже восемь, и она училась во втором классе. Дом Альки, точнее дом Валеевых, стал для меня... Домом.

Алька приняла меня, вот просто взяла и вытаскивала из лужи моей жизни. Как котенка. Этой мягкости, этого тепла, этого женского участия — Альки и Ларисы Алексеевны — хватило мне для правильного взросления. Я увидела семью, в которой живут любовь, забота, удивительная бережность друг к другу и еще что-то неуловимое, что связывает людей не только через кровь, но, наверное, через космос.

Из Школы, когда отпускали на короткие каникулы и однодневные праздники, я стремилась к ним — в Дом. С подарками, конечно. Именно тогда я поняла, как это радостно — дарить!

Разумеется, будучи генеральской дочкой, я не испытывала материальных проблем. Па-

пенька, довольный моими успехами в языках, музыке, а особенно — в стрельбе и единоборствах, о чем ему часто и честно докладывали, в какой-то момент взялся меня баловать. По-своему, конечно. Выдал мне карточку. Крутую. Безлимитную. И смартфон у меня был весьма нехилый, лучше — только у Юаньки.

В семье Валеевых, в Доме, мне были рады всегда. О моей учебе особо не расспрашивали, и я рассказывала то, что можно было. Так, как предписывалось. Например, о полугодовой стажировке в Шаолине — как о поездке в гости к китайской подружке Юань.

Свой четырнадцатый день рождения я отмечала в Доме. Отец тогда был в заграничной командировке — мирил каких-то африканских вождей, а может, и ссорил, не важно. Лариса Алексеевна предложила «обмыть» мой новенький паспорт — компотом, конечно, который она просто волшебным образом варила из самых разных фруктов и ягод. Урал Хабибуллович тоже был в отъезде, так что праздновали мы вдвоем — я и мои добрые феи. Вот тогда я длинно, с деталями, рассказала про семью Юаньки, про китайские чайные и иные церемонии. У Юаньки-то я была, но всего неделю, чтоб дать покой вывихнутым суставам и растянутым связкам.

Эх, с какими подробностями могла бы рассказать о монахах Шаолиня! Если бы могла. Думаю, что подполковник Валеев догадывался